

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Скрипка Паганини

«Public Domain»

1929

Куприн А. И.

Скрипка Паганини / А. И. Куприн — «Public Domain», 1929

«Кому не известна легенда о том, как великий скрипач и композитор Николо Паганини, родом венецианец, продал дьяволу свою душу за волшебную скрипку? В это предание верил даже такой безбожник, скептик и насмешник, как славный поэт Генрих Гейне. Зато мало кто знает о том, как закончилась эта богопротивная сделка и кто в ней оказался победителем: человек или враг человечества? Среди венгерских бродячих цыган ходит одно смутное предание. Верить ему или не верить – это уж как хотите...»

© Куприн А. И., 1929

© Public Domain, 1929

Александр Иванович Куприн

Скрипка Паганини

Кому не известна легенда о том, как великий скрипач и композитор Николо Паганини, родом венецианец, продал дьяволу свою душу за волшебную скрипку? В это предание верил даже такой безбожник, скептик и насмешник, как славный поэт Генрих Гейне. Зато мало кто знает о том, как закончилась эта богопротивная сделка и кто в ней оказался победителем: человек или враг человечества? Среди венгерских бродячих цыган ходит одно смутное предание. Верить ему или не верить – это уж как хотите.

Очень немилосердна была судьба к молодому Николо в тот год, когда долги, неудачи и сотни мелких неприятностей заставили его бежать из Венеции в Вену, где он – странствующий музыкант – играл на свадьбах или обходил со своей дешевой скрипкой кабачки последнего разбора. В приличные гостиницы его не пускали по причине его плохой одежды, состоявшей из лохмотьев.

Но особенно тяжелый, проклятый день выпал для него 21 октября. С самого утра шел непрерывный холодный дождь со снегом. Дырявые башмаки артиста так промокли, что обратились в кисель и хлюпали на каждом шаге, брызжа фонтанами грязи, и сам Паганини был весь мокрый и грязный, как черный пудель, вылезший из болота.

Падал на город мутный, желтый, зловещий вечер. Едва светили сквозь дождь редкие фонари. В такие погоды людские сердца неохотно раскрываются навстречу чужому горю и чужой бедности, между тем как бедняк вдвойне ощущает холод, голод и сиротливость.

В течение всего дня Паганини не заработал ни гроша. Только уже поздно вечером пьяный лудильщик дал ему недопитую кружку пива, стряхнув в нее, кстати, пепел из своей трубки. А в другом месте подкутивший студент швырнул ему три крейцера и сказал:

– Вот тебе плата за то, чтобы ты перестал играть! Паганини взял эту злую подачку и заскрежетал зубами:

«Ладно! Когда я буду знаменит – попомнишь ты у меня эти три крейцера!» Надо сказать, что, вопреки всем несчастьям, Паганини никогда не сомневался в своем гении. «Мне бы только порядочную одежду, благоприятный случай да хорошую скрипку – и я удивлю весь мир!» Из последнего трактира его просто-напросто выбросили на улицу, потому что он оставлял за собой целые озера воды.

На три крейцера Паганини купил маленький белый хлебец и ел его без удовольствия, идя по дороге к дому. Когда же он, усталый, с трудом взобрался на верхний этаж, в свою голую чердачную клетушку, то смертное отчаяние и бешеная злоба охватили его мрачную душу. Ударом ноги он отшвырнул свою жалкую отсыревшую скрипчонку в угол и, бия себя в грудь кулаками, возвопил:

– Дьявол! Дьявол! Если ты не глупая бабья выдумка, если ты воистину существуешь, то приди ко мне сейчас же! Дешево продается гордая человеческая душа вместе с творческим гением. Поспешите же! Иначе какая тебе будет корысть от повесившегося бедняка?

И дьявол немедленно явился. Явился вовсе не в серном дыме, не с отвратительным запахом козла, не с раздвоенными копытцами вместо ступней, без малейших признаков хвоста, – в скромном виде старенького нотариуса или стряпчего, в сером опрятном камзоле со старинными желтоватыми кружевами. Чернильница, гусиное перо и подержанная контрактная книга – все это находилось при нем и было не спеша, деловито разложено на хромоногом столе. Ярко вспыхнул огонь в масляной лампе.

– Видите, юноша, – начал спокойно диавол. – Я к вам явился без всякого балаганного шума и треска, без всяких адских запахов и костюмов, и расписки непременно кровью я от вас не потребую.

Оставим эту дурацкую бутафорию скудному и болезненному воображению средневековья. Наш век – век вежливости, прозы и арифметики. Не буду скрывать от вас, что нам, чертям, гораздо выгоднее и удобнее в нашей торговле услужливость и честность, чем наивный обман. Поэтому не удивитесь тому, что в нашей сделке я буду не только покупателем, но, если понадобится, то иногда и вашим адвокатом. Итак: что вы желаете получить за вашу душу?

– Денег! Золота! Без конца золота!

– Видите, вот вам уже и понадобилась моя юридическая помощь. Ничего нет легче, как потребовать от диавола денег. Это всякий лопухий молодой дурак сумеет заказать. Ну, а что вы скажете насчет славы?

– Пустяки! Славу можно купить за деньги. Надо только не особенно скупиться.

– Нет, мой друг, вы говорите опрометчиво. Золотом можно купить только льстецов. Но такая слава не перешагнет за пределы того круга, который составляют ваши льстецы и в центре которого находитесь вы, оглушенный низкими похвалами прихвостней. Нет, вы лучше скажите мне о чем-нибудь другом. Например, о любви.

– Черт возьми! Да ведь любовь уже наверно покупается легче всего!

– Всякая? Вы так думаете? Напрасно, совсем напрасно, мой молодой Николо! Если бы всякая любовь продавалась, то уж давным-давно земной шар и вся вселенная были бы в совершеннейшей и вечной власти диавола и нам, его сотрудникам, приходилось бы только жиреть в бездействии на казенных харчах. Хотите, я вам скажу один страшный секрет? Хотите знать, почему диавол так несчастен? Потому что он всеми своими силами хочет любить, но не может... Нет, юноша, если вы хотите заключить со мною сделку, выгодную и почетную для обеих сторон, то остановитесь на ваших первых, скромных условиях: хорошая одежда, удачный случай и прекрасная скрипка.

Паганини раздумывал в течение нескольких минут и потом сказал нерешительно:

– От своего намерения я не отступаю. Мне кажется, что вы как будто бы правы, господин стряпчий. Но только не слишком ли дешевую плату я потребовал впопыхах за мою бессмертную душу, заранее осужденную на бесконечные муки?

Стряпчий молча нагнулся, вытащил из-под стола большой, старинный, потертый на углах футляр из буйволовой кожи и бережно передал его Паганини.

– Можете сами поглядеть на скрипку и даже испробовать ее. Это – бесплатно. Паганини почтительно отстегнул бронзовые золоченые застёжки футляра, вынул и расстелил на столе три покрывала, которые окутывали инструмент: замшевое, бархатное и шелковое, – и вот волшебная скрипка, высоко поднятая вверх, показалась во всей своей красоте, так пленительно похожая своим строением на фигуру нагой, совершенно сложенной женщины, с ее маленькой головкой, длинной, тонкой шеей, покатыми плечиками и гармоничным переходом нежной талии в плавные мощные бедра.

– Это не Страдивариус, – воскликнул восхищенный Паганини, – но это также не Амати, не Гварнеро и не Гваданини! Это идеал скрипки, дальше которого человек не пойдет, не может пойти! Так, значит, вы позволите мне немного поиграть на ней?

– Да... пожалуйста, – как-то вяло, нехотя и скудно согласился черт. – Я вам сказал.

Струны скрипки были уже настроены, и смычок в меру натерт калофонием. Когда же Паганини заиграл на ней могучую пламенную импровизацию, то он сам впервые понял – какой крылся в нем великий талант, заглушенный до сей поры нищенским прозябанием. И он сказал почти весело:

– Хозяин, я к вашим услугам, и благодарю вас за умные советы. Но почему, скажите мне, – если это только вам не трудно, – почему вы как будто приуныли и омрачились, точно обиделись на меня?

– Если говорить по правде, – сказал черт, поднимаясь со стула, – меня немного огорчает то, что вы оказались бесконечно талантливее, чем я мог предположить. Однако слово есть слово. Скрипка эта – ваша, владейте ею пожизненно. Вот вам небольшой мешочек с золотом; это на первое время. Завтра к вам придут: портной с придворным костюмом и лучший венский парикмахер, а через день вы выступите на том музыкальном состязании, которое торжественно устраивает сам эрцгерцог. Теперь, будьте любезны, подпишитесь вот в этой строке. Так. Хорошо. Мерси и до свидания, молодой человек.

– До скорого? – спросил лукаво венецианец Паганини.

– Вот этого я уже не знаю, – ответил сухо черт. – Я думаю, что до положенного вам срока, не ближе. Ведь вы у меня не просили долголетия?.. Мои комплименты, маэстро!

Диавол ни в чем не обманул скрипача. Все случилось по предвиденному им плану. После музыкального турнира у наследника престола сразу вошла в зенит звезда Паганини, засияла ослепительно и не бледнеет даже до наших времен. Но сам Николо Паганини стал несчастнейшим человеком на свете. Неудовлетворенные страсти, ненасытимое честолюбие, бешеная жадность к деньгам и вместе с нею отвратительная, самая мелочная скупость; зеленая зависть не только к прежним артистам, не только к современникам, но и к будущим великим скрипачам отравили и испепелили его душу. Нередко он писал свои музыкальные сочинения в таких трудных нотных комбинациях, которые исполнить на скрипке мог только один он, но невольное признание безграничности искусства говорило ему, что некогда придет другой музыкант и сыграет легче его дьявольские шарады и пойдет дальше него. И этого, будущего, он заранее ненавидел.

Сделавшись миллионером, он все-таки собирал на улице бумажки, обрывки веревок и всякую другую труху, а дневное его пропитание никогда не превышало одного талера.

Сколько прекраснейших женщин, упоенных его сверхъестественным искусством, приходило к нему, чтобы отдать ему себя, свое сердце, судьбу и кровь, и всегда он брезгливо отворачивался от них, убежденный, что они хотят его золота. А одной знатной даме, супруге председателя государственного совета, жаждавшей разделить с ним и славу, и богатство, и любовь, и позор развода, он сказал, бросив на стол мелкие монеты: «Передайте вашему мужу эти три крейцера. Он мне их дал когда-то за то, чтобы я не играл больше на скрипке; вас же я прошу уйти, я сейчас занят упражнениями...»

Сколько истинных друзей и почитателей он оттолкнул грубыми словами: «Ты гонишься за моими деньгами или стремишься попасть на буксир моей славы». Воистину он был жалок и страдал глубоко, и не было ему утешения. Ибо не верил он никому.

Когда же настал срок его смерти и пришел к нему Серый Нотариус, то Паганини спокойно сказал ему:

– Хозяин, я готов. Но скажу вам, что в жизни моей не было радости.

Серый Нотариус устало возразил:

– Да, признаться, и у меня от вас не было никакого барыша. Оба мы заключили невыгодную для нас сделку. Поглядите на список контрактов. Там вашего имени нет совсем. Оно стерлось, оно кем-то вычеркнуто. Кем-то, кого мы не смеем называть.

– Что же я стану теперь делать? – снисходительно спросил Паганини.

– Ровно ничего, – ответил Серый Нотариус. – Ровно ничего, мой друг. Я поквитался с вами уже тем, что не пропускал ни одного вашего концерта. Это мне у моего начальства было поставлено в минус. Но и вы, в свою очередь, поквитались с тем, чье имя неназывается. Видите ли, настоящее искусство не от нас, а от Него, а кто сочтет эти счета? Прощайте. Теперь

навсегда. Скрипку я оставляю у вас. Ах, нет! Не страштесь за меня. Это только маленькие служебные неприятности. Прощайте же...

Наутро нашли великого Паганини мертвым; лоб его и морщины были, как и при жизни, горды и суровы. На устах же его лежала блаженная, счастливая улыбка. Дьявольская скрипка пропала навсегда.